

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.40-51

КАЗАНСКОЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ КАК ПОЛЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.А. Шадрина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики казанского дореволюционного востоковедения, которое в XIX в. формировалось здесь в контексте как академического, так и миссионерского дискурсов. Предпринята попытка определить методологические подходы, использованные представителями обоих упомянутых направлений для изучения истории и культуры «Другого», в качестве которого в настоящей статье выступают ислам и мусульманская культура. Выявлены истоки обозначенных подходов, а также описано, как в процессе становления востоковедения осуществлялось взаимодействие между представителями академической (сформировавшейся при Казанском университете) и миссионерской (существовавшей в рамках Казанской духовной академии) школ. Сделан вывод о том, что во второй половине XIX в. диалогическое изучение ислама и исламской культуры в России было возможно преимущественно в рамках сложного переплетения академического, миссионерского и социального дискурсов.

Ключевые слова: исламоведение, казанское миссионерское исламоведение, казанское востоковедение, Казанский университет, Казанская духовная академия, диалог культур, исламо-христианский диалог

В современном мире проблемы, связанные с ситуациями межкультурного, межконфессионального, межцивилизационного взаимодействия, не только не теряют актуальности, но, напротив, обретают особую остроту. Развитие науки и системы общественных отношений в целом уже привело исследователей (а в отдельных аспектах – еще приводит) к осознанию необходимости непредвзятых подходов к изучению истории и культуры так называемого «Другого», то есть представителя другой нации, другой религии и, по сути, даже другого исторического периода. Мы всё больше стали признавать тот факт, что любое гуманитарное исследование – это в определенном смысле построение некоего «Образа Другого», и то, на каких основаниях и исходя из каких посылок выстраивается этот образ, является важнейшей составляющей любого гуманитарного знания. При этом одной из самых, если можно так выразиться, напряженных линий культурного разлома, на которой существуют глубоко укоренившиеся и вновь «расцветающие» стереотипы, порой крайне негативные, формирующие отталкивающие образы и препятствующие развитию конструктивного взаимодействия, по-прежнему

остаётся граница, проходящая между мусульманским миром и миром европейским (еще с эпохи Средневековья видящим себя христианским) [1, с. 7–8].

В обозначенной связи огромный интерес представляет исследование истоков формирования научных и так или иначе связанных с ними походов к изучению, в частности, культуры ислама в России – стране, которая была и по сей день остаётся в высшей степени мультикультурной, полиэтничной и поликонфессиональной. Так, например, известный отечественный учёный Яков Георгиевич Шемякин относит Россию, наряду с Латинской Америкой (исследованием ее специфики он специально занимается), к цивилизациям «пограничного» типа, в пространстве которых принцип многообразия превалирует над принципом единства, лежащим в основе классических цивилизаций Запада и Востока. Для «пограничных» цивилизаций не существует какого-то единого культурного кода, и любой «Чужой» или «Другой» может постепенно стать здесь «Своим», что практически невозможно для цивилизаций с превалирующим принципом единства [2, с. 161].

Именно по изложенным соображениям столь интересен опыт становления и развития именно в России научных направлений, так или иначе касающихся изучения и конструирования того самого «Образа Другого».

Научное востоковедение в Российской империи начинает делать первые шаги уже в конце XVIII в., о чем, в частности, детально повествует в своих многочисленных работах казанский исследователь Рамиль Миргасимович Валеев [3–5], причем центром развития востоковедения становится именно Казань, что, безусловно, неслучайно и неудивительно. Поволжье всегда было для России своеобразной мусульманской окраиной, где в целом существовало объективно огромное поле для работы по изучению специфики мусульманской культуры. А уже в середине XIX в. в связи с завоеванием Средней Азии Российская империя вышла к рубежам «внешнего» мусульманского мира и ислам для российского общества превратился из проблемы культурологической и религиозно-метафизической в проблему социально-политическую [6, с. 67]. Центр по решению обозначенной проблемы в плане изучения и формирования образа ислама и стратегий работы с мусульманским населением изначально был логично сосредоточен именно в Казани. При этом здесь сформировалось как бы два параллельно существовавших центра, занимавшихся данной проблематикой (заметим, что, несмотря на их кажущуюся противоположность, они всегда так или иначе находились в разной степени творческом взаимодействии). Один из них – это центр научный, стоявший на принципах развития рационального, доказательного знания (Разряд восточной словесности Императорского Казанского университета [7]), а второй – противомусульманское отделение Казанской духовной академии, которое стало центром изучения ислама с целью ведения миссионерской деятельности среди мусульман [8–10].

В пределах Российской империи именно перед Казанью была поставлена задача выработки стратегии интеграции инокультурных и инорелигиозных элементов в пространство культуры страны, воспринимавшейся тогда властью как преимущественно православной, стремящейся к формированию единой культуры. И именно казанские ученые и миссионеры в конечном итоге пришли к тем принципам исследования культуры «Другого», которые до определенной степени и сегодня рассматриваются как наиболее эффективные, даже несмотря на то,

что перед миссионерским направлением в целом стояла задача по выявлению ложности мусульманского учения и «переманиванию» мусульман в христианство.

Таким образом, в рамках настоящей статьи казанское востоковедение необходимо понимать не только как академическое направление, формировавшееся в стенах одного из старейших российских университетов, но и как некую систему социально значимых практик, тоже связанных с исследованиями, центром которых была Казанская духовная академия (причем не только для Поволжья, но и для всей России) [6; 9].

Казанское университетское востоковедение развивалось в XIX в. в рамках Восточного разряда, наличие которого предусматривалось еще указом 1804 г. и который был образован в 1807 г.; официальное название Разряд восточной словесности Казанского императорского университета получил в 1837 г., однако уже в 1855 г. подразделение было переведено в Санкт-Петербург, где вошло в состав факультета восточных языков [11]. Казанский восточный разряд был по-настоящему уникальным явлением науки того времени во многих отношениях. В рамках настоящей статьи особый интерес для нас представляет то, какие методологические основания, методы и принципы были положены в основу изучения здесь культуры «Другого», в частности ислама, а также различных народов и стран, которые его исповедовали. Крайне важным и интересным видится вопрос о том, есть ли в подходах казанских востоковедов тот самый элемент диалога, то есть попытки всмотреться, ощутить, по-настоящему понять основания иной культуры, либо же мы наблюдаем здесь некий европоцентричный монолог, целью которого является доказательство превосходства христианского (если говорить широко) мира над миром мусульманским.

В целом можно, на наш взгляд, выделить два измерения в исследовании ислама и исламо-христианского межкультурного диалога в рамках казанского (как академического, так и миссионерского) исламоведения. С одной стороны, исламо-христианский межкультурный диалог сам по себе является специфическим объектом исследования. В подобного рода публикациях рассматривается то, как исторически складывались взаимоотношения христианского и исламского миров, как они влияли друг на друга. Такие работы в большинстве своем отмечены, как ни странно, именно в рамках миссионерского исламоведения (хотя, по сути, они не являются подлинно научными исследованиями, поскольку преследуют вполне конкретную цель – продемонстрировать агрессивную позицию ислама по отношению к христианству). Необходимо указать, что истории становления и развития казанского миссионерского исламоведения специально посвящен ряд публикаций, в частности статья Марса Забиновича Хабибуллина, который занимается вопросами изучения истории и культуры татар в синодальных учебных заведениях Казани. Исследователь отмечает, что в 1855 г. при Казанской духовной академии было открыто единственное в России миссионерское отделение. Его противомусульманский сектор должен был стать центром подготовки специалистов для ведения миссионерской деятельности среди мусульман, новообращенных христиан и язычников, проживавших в основном на территории Поволжья и Приуралья [8, с. 226–227].

И именно пером выходцев из казанской миссионерской школы были написаны работы, специально посвященные взаимодействию ислама и христианства.

Например, это труд русского ученого-ориенталиста, одного из первых исследователей Туркестана, проходившего обучение в Казанской духовной академии с 1866 по 1870 гг., ученика Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова [12] Николая Петровича Остроумова под названием «Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством» [13], который он издает в 1888 г. в Санкт-Петербурге.

Центральный тезис исследования был, что неудивительно, идеологически обусловлен: «Взаимные отношения христианства и мусульманства никогда не были мирными, да и не могли быть такими, потому что обе названные религии взаимно исключают друг друга в самых существенных пунктах своего учения» [13, с. 1]. Здесь следует обратить внимание на то, что в данном утверждении присутствует своеобразная логика эпохи Просвещения, а позднее и колониализма, противопоставляющая два культурно-религиозных мира – мир христианский и мир мусульманский.

После подобного введения автор излагает основные этапы исламо-христианского взаимодействия, ссылаясь в основном на два источника: «Историю средних веков» М.М. Стасюлевича и «Всемирную историю» Ф.К. Шлосера. Причем, когда речь идет не об идеологической подоплеке или широких обобщениях, а касается конкретных исторических фактов, Н.П. Остроумов, пытаясь делать постоянный акцент на жестокости арабов и их нетерпимом отношении к христианам, все-таки не может согрешить против исторической правды и замолчать факты религиозной веротерпимости мусульман [13, с. 24–27]. Однако ученый, опять-таки придерживаясь основной установки своего сочинения, подчеркивает, что впоследствии мусульманское господство превращается на завоеванных территориях из мягкого в деспотическое (цитируя при этом отрывок из сочинения Р. Дози «Очерк истории ислама», приведенный в учебнике М.М. Стасюлевича) [13, с. 23].

Таким образом, становятся очевидными противоречивость и многоаспектность формирования поля исследований исламо-христианского взаимодействия, в рамках которого историческая действительность переплетается с глубоко укоренившимися идеологическими установками прошлого (причем прошлого в первую очередь Западной Европы, поскольку именно на работы западных авторов ссылаются казанские миссионеры) и требованиями актуальных реалий.

Тем не менее взаимовлияние христианского и мусульманского культурных миров, особенно в религиозной сфере (точнее, если мы говорим о миссионерском исламоведении, речь идет о влиянии христианской доктрины на доктрину ислама), становится одним из ключевых направлений исследований представителей противомусульманского отделения Казанской духовной академии [14–16].

При этом, несмотря на всю идеологическую направленность подобного рода работ, в их основе лежат те самые принципы диалогического изучения культуры и религии «Другого», эффективность которых отмечали еще средневековые миссионеры. Особенно в эпоху Крестовых походов и сразу после них перед европейскими миссионерами стояли задачи по христианскому просвещению среди мусульман. В этот период в Европе распространяются идеи о том, что насильственные методы обращения иноверцев в христианство, как правило,

не работают и в целях распространения христианства необходимо изучать культуру «Другого», чтобы разговаривать с ним на одном языке [1, с. 61–62, 68–69]. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что важнейшим методом в рамках подобного подхода как для средневековых миссионеров, так и для миссионерского и даже академического исламоведения в России XIX в. стал перевод ключевых религиозных текстов того самого «Другого» [17, с. 280–333].

Так, Гордием Семеновичем Саблуковым, одним из выдающихся представителей казанского миссионерского исламоведения, был осуществлен первый в России перевод Корана на русский язык непосредственно с арабского. Особенностью его подхода была опора на мусульманскую экзегетическую традицию в соединении с рассмотрением Корана как культурно-исторического памятника. Именно поэтому Г.С. Саблукова можно считать одним из основоположников научного корановедения в России [4]. Даже несмотря на негативную в целом оценку деятельности казанской миссионерской школы, исключительное значение труда Г.С. Саблукова подчеркивает один из ведущих специалистов по коранистике в России Ефим Анатольевич Резван, который отмечает, что казанскому ученому удалось создать оригинальное исследование; помимо перевода Корана в 1879 г. он выпустил «Приложения» – в то время лучший указатель к Корану в Европе, а уже после смерти автора в 1884 г. был опубликован и его обзорный труд о Коране [18, с. 279].

Очевидно, что для появления подобного рода работ было необходимо наладить процесс изучения языков иной культуры и составления библиотек, содержащих подлинные тексты этой культуры, которые и нужно было анализировать. И здесь отчетливо прослеживается тесная связь между университетским (академическим) и миссионерским исламоведением (и, шире, востоковедением). Так, особо следует подчеркнуть, что первым учителем-лингвистом, преподававшим в Казанской духовной академии татарский, турецкий и арабский языки, стал выдающийся ученый из Казанского университета Александр Касимович Казем-Бек [8, с. 224]. В дальнейшем подготовка миссионеров происходила согласно плану выпускника Казанской духовной семинарии, ученика А.К. Казем-Бека, одного из талантливейших представителей казанского миссионерского исламоведения Николая Ивановича Ильминского, который стал автором проекта «лучшего устройства» подготовки миссионерских кадров. Согласно плану, предложенному Н.И. Ильминским, на трех этапах обучения – духовное училище, семинария и академия – будущие миссионеры должны были пройти всестороннюю подготовку, которая включала изучение восточных языков, в том числе и арабского, религиозных текстов мусульман, их истории и культуры. С точки зрения автора проекта, которая, как уже отмечалось выше, идеологически восходила к позиции времен Крестовых походов в Европе, уже тогда демонстрировавшей пусть не миссионерскую эффективность, но эффективность в деле выстраивания конструктивных взаимоотношений, насильственные методы христианизации инородцев, практиковавшиеся ранее, не могли принести успеха. Необходимо было проникнуть во внутренний мир человека, чтобы обратить его изнутри. А для этого надо было адаптировать христианскую проповедь к народному миропониманию [6, с. 68–76].

И вот в этом стремлении проникнуть в глубинную сущность культуры «Другого» (и не столь важно в данном контексте, с какими целями) мы можем увидеть подлинно диалогическую исследовательскую парадигму, которая, в частности, роднит академическое и миссионерское исламоведение в дореволюционной Казани. Так, например, академик Санкт-Петербургской Академии наук, профессор арабской словесности Санкт-Петербургского университета Виктор Романович Розен публиковал критико-библиографические статьи, посвященные сочинениям казанских исламоведов, в «Записках Восточного отделения русского археологического общества». В них автор, несмотря на критику основных выводов миссионеров-исламоведов, подчеркивает разносторонность их источниковой базы [19; 20]. Растянувшаяся на десятилетия, данная полемика способствовала самоопределению академического исламоведения и накоплению объективно-научных знаний об истории ислама [5, с. 198–231]. И все тот же В.Р. Розен в 1881 г. даже приглашает Н.И. Ильминского в Санкт-Петербургский университет преподавать «мусульманские» языки письмом, в котором содержались следующие слова: «Глубокоуважаемый Николай Иванович! В мае текущего года Академия Наук лишилась в лице Б.А. Дорна своего ординарного академика по кафедре мусульманских языков... Ныне же я позволил себе, в беседах об этом предмете, упомянуть Ваше имя, как имя достойнейшего кандидата, и встретил, как и следовало ожидать, горячее сочувствие всех сторон» [Цит. по: 21, с. 32]. Подобного рода уважение, выказанное одним из важнейших российских востоковедов того времени, безусловно, свидетельствует о тесном переплетении миссионерского и академического дискурсов в вопросах изучения восточных народов и их культур.

И действительно, востоковедение, становление которого происходило на тот период в Казанском университете, в первую очередь, согласно логике развития любой науки, накапливало сведения о предмете изучения, причем здесь предпосылки и цели исследований отличались непредвзятостью и стремлением к научной объективности, даже несмотря на эпизоды неприятия подобного рода подходов со стороны государственной власти. Так, например, в официальной инструкции, составленной печально знаменитым попечителем Казанского учебного округа Михаилом Леонтьевичем Магницким в 1820–1821 гг., преподавателям восточной словесности Казанского университета вменялось в обязанность следующее: не «вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к... преданиям Магомета и первых учеников его... Не нужно равномерно ему входить во все то, что писано об Алкоране, в отношении его к судопроизводству. Он (профессор) покажет в истории их, из древнейших стихотворцев заимствованной, те баснословные предания, на коих она основана. Покажет в поэзии их, сколько она поверхностна, и как отличается одним блеском мыслей и смелостью выражений... Все сие представит профессор с тем намерением, чтобы открыть слушателям своим, что в арабской мудрости нет ничего особенного, что она почерпнута от греков и есть ни что иное, как философия Аристотеля, пламенным их воображением искаженная. Он вообще ограничится преподаванием языков арабского и персидского в том единственном отношении, в котором они торговым и политическим связям для России могут быть полезны» [Цит. по: 7, с. 30–31]. Из этой обширной цитаты мы видим, что М.Л. Магницкий фактически

предлагает превратить академическое востоковедение в миссионерское и поставить перед казанскими учеными совершенно практические задачи, схожие по сути своей с теми, которые до той поры стояли перед миссионерами.

Однако, как уже отмечалось выше, университетское востоковедение не пошло по данному пути, а продолжило накапливать знания и опыт преподавания в сфере восточных языков, а также формировать библиотеки восточных рукописей самого разного характера (причем не с целью развенчания идей, содержащихся в них, а с целью их глубокого и всестороннего изучения). Самые разнообразные факты, об этом свидетельствующие, содержатся на страницах публикаций уже упомянутого выше профессора Казанского федерального университета Рамиля Миргасимовича Валеева и его учеников, которые проводят огромную работу по изучению казанских и петербургских архивов, так или иначе связанных с развитием казанского востоковедения в XIX и начале XX в. Так, например, говоря о творческом пути Мирзы Казем-Бека, стоявшего у самых истоков изучения Востока в Казани, Р.М. Валеев и его соавторы приводят сведения о том, что в 1843 г. в восточном отделе университетской библиотеки насчитывалась 61 книга (в том числе рукописи) на арабском языке, 62 – на персидском, 23 – на турецком, 3 – на еврейском и 1 – на коптском языке, а в 1853 г. в библиотеке уже было 206 книг и рукописей на арабском, 157 – на персидском, 43 – на турецком, 11 – на татарском и 1 – на зендском языке [22].

Важно заметить, что доступ к упомянутым источникам могли иметь и ученики Казанской духовной академии, поскольку, как сообщает Р.М. Валеев в одной из своих публикаций, в середине 40-х годов XIX в. развитие преподавания восточных языков в академии было связано с именами профессоров восточного разряда университета А.К. Казем-Бека (об этом уже шла речь выше) и А.В. Попова. Студенты духовной академии имели право слушать в Казанском университете лекции по восточным языкам – татарскому, монгольскому и калмыцкому [23, с. 31]. И, как уже отмечалось в случае с Н.И. Ильминским, выпускников академии в дальнейшем даже приглашали вести занятия по восточным языкам в академических учебных заведениях.

Таким образом, мы видим, что в казанском исламоведении (как академическом, так и миссионерском) в дореволюционный период прослеживаются отдельные методологические установки, связанные с формированием диалогического подхода к изучению культуры «Другого». В первую очередь это проявляется в стремлении погрузиться в изучаемую культуру через ее язык и самые разнообразные тексты, на нем созданные. Особо стоит отметить, что именно в Казань в 1802 г. был передан арабский шрифт типографии Академии наук и именно здесь была создана мусульманская типография, которая начала печатать тексты Корана, главного мусульманского источника по религии и культуре, в оригинале, и казанские Кораны широко распространялись по всему миру. За 57 лет в Казани было напечатано около 150 тыс. экземпляров Корана [24].

Исследования, которые проводились учеными Казанского университета, а также их разнообразные наработки в области преподавания восточных языков, что было особенно ценно в условиях отсутствия каких-либо пособий и словарей, стали колоссальным вкладом в дело развития знаний о Востоке, в частности

о Востоке мусульманском, для всего дальнейшего развития российской науки. Не менее значимы и принципы, которые закладывали казанские востоковеды (в первую очередь, безусловно, академического направления), отталкиваясь, по глубинной сути своей, от диалогической парадигмы непредвзятого, лишённого предзаданности изучения культуры и истории «Другого». Интересно отметить здесь и тот факт, что многие исследователи, формировавшие казанское миссионерское востоковедение, сами были отчасти «Другими» для Российской империи (так, например, Мирза Мухаммед Али Казем-Бек родился в г. Решт в Персии, и его национальная принадлежность определяется как «персиянин» [25, с. 925]) и, возможно, на определенном уровне лично ощущали ту самую необходимость выстраивания конструктивного, непредвзятого диалога для дальнейшего поступательного развития человеческого общества.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Кардини Ф.* Европа и ислам: история непонимания / Сер. «Становление Европы» / Пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. СПб.: Александрия, 2007. 332 с.
2. *Шемякин Я.Г.* Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышление над книгами В.Б. Земского // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25, № 1. С. 154–180.
3. *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение и изучение мусульманского мира (конец XVIII – нач. XX в.). Казань: Алгоритм+, 2013. 160 с.
4. *Валеев Р.М.* Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань: Казань, 1993. 104 с.
5. *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. 380 с.
6. *Алексеев А.К.* К проблеме культурного диалога: ислам и Казанское миссионерское исламоведение // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: материалы Всерос. конф. «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования» (Казань, май 2003 г.) / Под ред. Р.М. Мухаметшина. Казань, 2004. С. 67–100.
7. *Валеев Р.М.* Очерки истории Казанского университетского востоковедения (1769–1920-е гг.). Казань: Алма-Лит, 2003. 142 с.
8. *Хабибуллин М.З.* Миссионерское противомусульманское отделение Казанской духовной академии (1842–1920 гг.) // Востоковедение в России и странах СНГ на рубеже веков: материалы международного симпозиума, посвященного 200-летию создания кафедры восточной словесности в Казанском университете (2 июля – 5 июля 2007 года) / Отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев и др. Казань: Фолиант, 2015. С. 222–253.
9. *Колесова Е.В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 207 с.
10. *Маточкина А.И., Стецкевич М.С.* Становление российского исламоведения: между конфессионализмом и научной объективностью (вторая половина XIX – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Ч. 36, № 1, С. 82–106. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-82-106>.
11. *Валеев Р.М.* Восточный разряд // Татарская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Ин-т Татарской энцикл. АН РТ, 2002. Т. 1: А–В. С. 636–637.

12. *Файзрахманов Л.М.* Н.П. Остроумов миссионер и исламовед // Изв. АлГУ. 2008. № 4-1. С. 146–150.
13. *Остроумов Н.П.* Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб.: Тип. С.Е. Добродеева, 1888. 75 с.
14. *Заборовский А.* Мысли аль-Корана, заимствованные из христианства: сочинение студента Казанской духовной академии XII учеб. курса (1864–1868 г.): [с прил. «Что Мухаммед заимствовал из Христианства?»: пер. с англ.]. Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казан. духовной акад. Вып. 7. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1875. 73 с.
15. *Коблов Я.Д.* Антропология Корана в сравнении с христианским учением о человеке. Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казан. духовной акад. Вып. 23. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1905. 352 с.
16. *Михайлов А.Ф.* Сказания Корана о новозаветных лицах и событиях и критико-политический разбор этих сказаний. Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казан. духовной акад. Вып. 21. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1894. 434 с.
17. *Шишков А.М.* На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья (V–XIV вв.). М.; СПб.: Университетская книга, 2016. 704 с.
18. *Резван Е.А.* Введение в коранистику. Казань: Изд.-во Казан. ун-та, 2014. 405 с.
19. *Розен В. М.* Машанов. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение в изучение ислама. Часть 1. Очерк религиозного быта арабов-язычников в эпоху Мухаммеда. Казань 1885 (Миссионерский противомусульманский сб. Вып. XVII) // Записки Восточ. Отделен. Императ. Рус. Археологического об-ва, издаваемые под редакциею управляющего Отделением Барона В. Розена. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. 1887. С. 283–301.
20. *Розен В.* Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране) Протоиерея Е.А. Малова. Казань, 1890 // Записки Восточ. Отделен. Императ. Рус. Археологического об-ва, издаваемые под редакциею управляющего Отделением Барона В. Розена. Т. 8. Вып. 3-4. СПб.: Тип. Имп. Акад. 1894. С. 362–367.
21. *Валеев Р.М.* Российские архивные фонды и история казанского востоковедения в XIX – начале XX в. // Восточный архив. 2011. № 1 (23). С. 27–41.
22. *Валеев Р.М., Валеева Р.З., Зяппаров Т.И.* Мирза А.К. Казем-Бек и его роль в изучении арабо-мусульманских источников // Вестник КазГУКИ. 2014. № 4. С. 99–102.
23. *Валеев Р.М.* Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX – начало XX в.) // Mongolica-XVIII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 30–34.
24. *Густерин П.В.* Коран как объект изучения. Saarbrücken: Lambert Acad. Publ., 2014. 65, [2] с.
25. *Веселовский Н.* Казембек (Александр Касимович) // *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1894. Т. 26. С. 925.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 19.09.2024

Шадрина Наталия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: shadrina_nata@list.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 40–51

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.40-51

Pre-Revolutionary Oriental Studies in Kazan as a Foundation for Developing a Dialogic Approach to Studying the Interaction between Islam and Christianity

N.A. Shadrina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: shadrina_nata@list.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 19, 2024

Abstract

This article outlines the distinct characteristics of Kazan's pre-revolutionary Oriental studies, which developed throughout the 19th century within academic and missionary discourses. The methodological approaches used by their representatives to explore the history and culture of the "Other", (i.e., Islam and Muslim culture here) are identified. The origins of these approaches are traced. The interaction between academic scholars (primarily from Kazan University) and missionary researchers (from the Kazan Theological Academy) during the establishment of Orientalism as a separate branch is described. The results obtained show that a dialogical approach to studying Islam and Muslim culture in the second half of the 19th century was enabled by a complex interplay of academic, missionary, and social discourses.

Keywords: Islamic studies, missionary Islamic studies in Kazan, Oriental studies in Kazan, Kazan University, Kazan Theological Academy, dialogue of cultures, Islamic–Christian dialogue

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Cardini F. *Evropa i islam: istoriya neponimaniya* [Europe and Islam: The History of a Misunderstanding]. Ser.: The Making of Europe. Smagina E., Karlova A., Mitrofanova A. (Trans.). St. Petersburg, Aleksandriya, 2007. 332 p. (In Russian)
2. Shemyakin Ya.G. Russia and Latin America as civilizations: A comparison. Reflections on V.B. Zemskov's books. *Mir Rossii, Sotsiologiya, Etnologiya*, 2016, vol. 25, no. 1, pp. 154–180. (In Russian)
3. Valeev R.M. *Kazanskoe vostokovedenie i izuchenie musul'manskogo mira (konets XVIII – nach. XX v.)* [Oriental and Muslim World Studies in Kazan (Late 18th–Early 20th Centuries)]. Kazan, Algoritm+, 2013. 160 p. (In Russian)
4. Valeev R.M. *Iz istorii kazanskogo vostokovedeniya sederiny – vtoroi poloviny XIX v.: Gordii Semenovich Sablukov – tyurkolog i islamoved* [From the History of Oriental Studies in Kazan during the Middle to Second Half of 19th Century: Gordiy Semenovich Sablukov, a Turkologist and Islamic Scholar]. Kazan, 1993. 104 p. (In Russian)

5. Valeev R.M. *Kazanskoe vostokovedenie: istoki i razvitie (XIX v. – 20-e gg. XX v.)* [Oriental Studies in Kazan: Origins and Development (from the 19th Century to the 1920s)]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1998. 380 p. (In Russian)
6. Alekseev A.K. On the problem of a cultural dialogue: Islam and missionary Islamic studies. *Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: istoriya i metodologicheskie aspekty issledovaniya: materialy Vseros. konf. "Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: formy vyzhivaniya i bytovaniya" (Kazan', mai 2003 g.)* [Islam in the Soviet and Post-Soviet Space: History and Methodological Aspects of Research: Proc. All-Russ. Conf. "Islam in the Soviet and Post-Soviet Space: Forms of Survival and Resistance" (Kazan, May 2003)]. Mukhametshin R.M. (Ed.). Kazan, 2004, pp. 67–100. (In Russian)
7. Valeev R.M. *Ocherki istorii Kazanskogo universitetskogo vostokovedeniya (1769–1920-e gg.)* [Essays on the History of Oriental Studies at Kazan Universities (1769–1920s)]. Kazan, Alma-Lit, 2003. 142 p. (In Russian)
8. Khabibullin M.Z. The missionary anti-Muslim department of the Kazan Theological Academy (1842–1920s). *Vostokovedenie v Rossii i stranakh SNG na rubezhe vekov: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo 200-letiyu sozdaniya kafedry vostochnoi slovesnosti v Kazanskom universitete (2 iyulya – 5 iyulya 2007 goda)* [Oriental Studies in Russia and other CIS Countries at the Turn of the Century: Proc. Int. Symp. Dedicated to the 200th Anniversary of the Establishment of the Department of Oriental Literature at Kazan University (July 2–5, 2007)]. Valeev R.M. (Ed.). Kazan, Foliant, 2015, pp. 222–253. (In Russian)
9. Kolesova E.V. Oriental studies at synodal education institutions of Kazan (from the mid-19th to early 20th century). *Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2000. 207 p. (In Russian)
10. Matochkina A.I., Stetskevich M.S. The development of Islamic studies in Russia: Navigating between confessionalism and scholarly objectivity (from the second half of the 19th to the early 20th century). *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*, 2018, pt. 36, no. 1, pp. 82–106. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-82-106>.
11. Valeev R.M. Oriental department. In: Khasanov M.Kh. (Ed.) *Tatarskaya entsiklopediya* [Tatar Encyclopedia]. Vol. 1: A–V. Kazan, Inst. Tatar. Entsikl. Akad. Nauk RT, 2002, pp. 636–637. (In Russian)
12. Faizrakhmanov L.M. N.P. Ostroumov, a missionary and Islamic scholar. *Izvestiya AIGU*, 2008, no. 4-1, pp. 146–150. (In Russian)
13. Ostroumov N.P. *Istoricheskii ocherk vzaimnykh otnoshenii mezhdu khristianstvom i musul'manstvom* [A Historical Essay on the Mutual Relations between Christianity and Islam]. St. Petersburg, Tip. S.E. Dobrodeeva, 1888. 75 p. (In Russian)
14. Zaborovsky A. Al-Quran's ideas borrowed from Christianity: A work written by the student of the Kazan Theological Academy, academic course XII (1864–1868): [with the appendix "What Did Muhammad Borrow from Christianity?"] (trans. from English). *Missionerskii Protivomusul'manskii Sbornik: Trudy Studentov Missionaerskogo Protivomusul'manskogo Otdeleniya pri Kazanskoj Dухovnoi Akademii* [Missionary Anti-Muslim Collection: Works by Students of the Missionary Anti-Muslim Department at the Kazan Theological Academy]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1875, vol. 7. 73 p. (In Russian)
15. Koblov Ya.D. An anthropology of the Quran against the Christian doctrine of man. *Missionerskii Protivomusul'manskii Sbornik: Trudy Studentov Missionaerskogo Protivomusul'manskogo Otdeleniya pri Kazanskoj Dухovnoi Akademii* [Missionary Anti-Muslim Collection: Works by Students of the Missionary Anti-Muslim Department at the Kazan Theological Academy]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1905, vol. 23. 352 p. (In Russian)
16. Mikhailov A.F. Quranic narratives on the New Testament characters and events and their critical and political analysis. *Missionerskii Protivomusul'manskii Sbornik: Trudy Studentov Missionaerskogo Protivomusul'manskogo Otdeleniya pri Kazanskoj Dухovnoi Akademii* [Missionary Anti-Muslim Collection: Works by Students of the Missionary Anti-Muslim Department at the Kazan Theological Academy]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1894, vol. 21. 434 p. (In Russian)
17. Shishkov A.M. *Na plechakh gigantov. Ocherki intellektual'noi kul'tury zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ya (V–XVI vv.)* [Standing on the Shoulders of Giants. Essays on the Intellectual

- Culture of Western Europe during the Middle Ages (from the 5th to the 14th Century)]. Moscow, St. Petersburg, Univ. Kn., 2016. 704 p. (In Russian)
18. Rezvan E.A. *Vvedenie v koranistiku* [An Introduction to Quranic Studies]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2014. 405 p. (In Russian)
 19. Rozen V. M. Mashanov. An Essay on the Arab Life in the Era of Muhammad as an Introduction to the Study of Islam. Part I. Religious life of the pagan Arabs in the era of Muhammad. Kazan, 1885 (Missionary Anti-Muslim Collection, vol. XVII). *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva, Izdavaemye pod Redaktsiyu Upravlyayushchego Otdeleniem Barona V. Rozena* [Bulletin of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society Edited by the Head of the Department Baron V. Rozen]. St. Petersburg, Tip. Imp. Acad., 1887, vol. 2, pp. 283–301. (In Russian)
 20. Rozen V. The Law of Moses in the Bible and Quaran (an Attempt to Explain One of the Most Evident Contradictions in the Quaran) by Protopriest E.A. Malov. Kazan, 1890. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva, Izdavaemye pod Redaktsiyu Upravlyayushchego Otdeleniem Barona V. Rozena* [Bulletin of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society Edited by the Head of the Department Baron V. Rozen]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad., 1894, vol. 8, nos. 3–4, pp. 362–367. (In Russian)
 21. Valeev R.M. Russian archives and the history of Oriental studies in Kazan from the 19th to the early 20th century. *Vostochnyi Arkhiv*, 2011, no. 1 (23), pp. 27–41. (In Russian)
 22. Valeev R.M., Valeeva R.Z., Zyapparov T.I. Mirza A.K. Kazem-Bek and his role in the study of Arabic and Islamic sources. *Vestnik KazGUKI*, 2014, no. 4, pp. 99–102. (In Russian)
 23. Valeev R.M. Missionary Oriental studies in Kazan and the exploration of the Mongolian peoples (from the 19th to the early 20th century). In: *Mongolica-XVIII*. St. Petersburg, Peterb. Vostokoved., 2017, pp. 30–34. (In Russian)
 24. Gusterin P.V. *Koran kak ob'ekt izucheniya* [The Quran as an Object of Study]. Saarbrücken, Lambert Acad. Publ., 2014. 65, 2 p. (In Russian)
 25. Veselovsky N. Kazembek (Alexander Kasimovich). In: Brockhaus F.A. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 26. Andreevskii I.E. (Ed.). St. Petersburg, F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1894, p. 925. (In Russian)

Для цитирования: Шадрина Н.А. Казанское дореволюционное востоковедение как поле для формирования диалогической модели изучения исламо-христианского взаимодействия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 40–51. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.40-51>.

For citation: Shadrina N.A. Pre-revolutionary Oriental studies in Kazan as a foundation for developing a dialogic approach to studying the interaction between Islam and Christianity. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 40–51. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.40-51>. (In Russian)